

УДК 160.1

КАК ВОЗМОЖНА НЕСОЗНАТЕЛЬНАЯ ЛОЖЬ?

А. Ю. Моисеева

В статье рассматриваются понятия лжи и обмана, намечаются подходы к теории лжи как двухместного отношения, предпринимается поиск определения для понятий «несознательная ложь» и «ложь самому себе». Также рассматриваются вопросы семантики убеждений: что значит быть убежденным в чем-то и откуда это может быть известно.

Ключевые слова: ложь, убеждение, убежденность, интроспекция, детекция, «теория психического»

Ложь настолько прочно укоренена в человеческой психологии, что практически невозможно представить себе, какими мы были бы, не зная, что окружающие могут нам лгать, и не умея распознавать ложь по крайней мере в некоторых случаях. Ложью в наиболее широком смысле можно было бы назвать огромное множество проявлений социальности начиная с шутки и фантазии, которые никто в здравом уме не считает формами дезинформации, и заканчивая фейковыми, как говорят в последнее время, сообщениями СМИ, которые подчас подменяют собой реальность для целых народов. Общеизвестные примеры лжи функционируют в любой культуре как отрицательные образцы поведения. Все признают, что, вообще-то, лгать плохо, поэтому плохо и быть уличенным во лжи. Одновременно присутствуют примеры так называемой «белой» лжи, которая оценивается скорее положительно, что дает основания считать проблему лжи особенно важной для философии культуры [1]. Важность этой проблемы для философии сознания, на наш взгляд, объясняется следующим: этическая амбивалентность лжи означает, что в каждом конкретном случае человек должен совершить сознательный выбор, солгать ему или нет. Между тем и научная, и «народная» психология признают, что этот выбор в некоторых случаях не совершается, т.е. существует ложь, которая не осознается самим лжецом. Считается даже, что существует специфическая «ложь самому себе». С точки зрения тео-

рии познания употребление этого понятия трудно обосновать, однако тот факт, что психология считает ложь самому себе, или самообман (различные авторы употребляют разные понятия и по-разному объясняют свой выбор [2]), одним из нормальных защитных механизмов личности, наводит на размышления. Основной нашей задачей в данной статье будет поиск основания для использования понятий «несознательная ложь» и «ложь самому себе», а также подходов к корректному их определению. Дополнительно мы постараемся выявить возможные смыслы терминов «обман» и «самообман».

1. Различение лжи и обмана

Для начала проясним, как могут соотноситься между собой понятия лжи и обмана. Судя по стэнфордской статье Дж.Э. Махона на эту тему, существует несколько различных дефиниций обмана. В наиболее широком смысле он определяется следующим образом:

D: Обманывать =_{df} быть причиной ложного убеждения [3].

Обман, определенный таким образом, не предполагает даже наличия деятеля, поскольку для того, чтобы быть причиной наличия у определенного субъекта определенного (ложного) убеждения, не обязательно самому быть субъектом – в сколь угодно широком значении этого слова. Можно быть не только кошкой или собакой, можно быть даже указателем «Выход», указывающим туда, где выхода нет. Ясно, что в этом случае невозможно осмысленно говорить о сознательном выборе между обманом и воздержанием от него. Чтобы обосновать ту или иную «стратегию», нужно обратиться к более узким определениям обмана. Далее во избежание путаницы условимся рассматривать только дефиниции, в которых обман определяется через указание на интенциональность обманщика, т.е. на его убеждения и намерения. В дальнейшем станет ясно, что именно они скорее всего имплицитно используются в обыденной речи, особенно в тех контекстах, когда понятия «обман» и «ложь» выступают как синонимы. Вот простейшее определение такого рода:

D1: Обманывать =_{df} намеренно формировать у другого субъекта ложное убеждение [4].

Согласно D1, обман является intersубъективным действием, т.е. действием одного субъекта с целью повлиять на другого (или других –

множественное число может вводиться из соображений общности и не меняет сути дела) так, чтобы этот другой поверил или продолжал верить в некоторое ложное суждение или предложение [5]. Кто может быть обманщиком и кто обманутым – зависит от принятого понятия субъекта. Обычно считается, что это разные люди, но возможно такое понятие субъекта, которое допускает, чтобы это был один и тот же человек в разные моменты времени. Такое представление позволит сформулировать какое-то, пусть и довольно искусственное, понятие самообмана, хотя подобное умножение субъектов в одном теле нельзя считать удачным решением, поскольку оно усложняет и без того сложную проблему тождества личности. Отдельный интерес представляет вопрос о том, следует ли считать, что можно лгать животным, вычислительным машинам и прочим «созданиям», субъектность которых (свойство быть субъектом) находится под вопросом. Является ли лжецом, например, тот, кто, играя в интерактивную игру, предоставляет искаженную информацию противнику – компьютерному игроку? Или – более сложный случай – противнику, о котором заранее не известно, человек ли это или компьютер. Эти вопросы приобретают особую значимость в контексте соображений, изложенных в конце данной статьи.

Не лишним будет уточнить, что, согласно D1, приобретаемое обманутым убеждение ложно вне зависимости от того, верит ли в него обманщик. В данном случае под словом «ложно» подразумевается свойство самого суждения или утверждения, в которое верит обманутый, а не ложь в нашем понимании. Их ни в коем случае не следует путать. В дальнейшем мы будем говорить о «ложности» только в таком контексте.

Дефиниция D1 кажется вполне приемлемой с точки зрения здравого смысла и при этом философски корректной. Однако недостатком такого определения обмана является то, что ему удовлетворяют все случаи передачи одним субъектом другому собственного искреннего заблуждения. Поэтому степень антисоциальности обмана, определенного таким образом, невелика. Можно высказаться еще сильнее: обман становится в некотором смысле нормой общения, если учесть, что стратегия воздержания от него потребовала бы сообщать только то, в чем нет сомнений. Приведенные соображения склоняют к поиску определений обмана еще более узких, чем D1. Рассмотрим, например, такую дефиницию:

D2: Обманывать =_{df} намеренно формировать у другого субъекта ложное убеждение, если тот, кто намеренно формирует это убеждение, сам верит в его ложность.

Это определение ближе к бытующему пониманию обмана как сообщения заведомо ложной информации с целью навредить. Некоторые авторы считают, что обман следует определять прямо через намерение нанести вред обманутому, однако для этого потребовалось бы заранее оговаривать, в чем конкретно состоит этот вред, в частности что плохого в том, чтобы придерживаться ложных убеждений. Такой подход был бы оправдан в рамках этики, но для нас он абсолютно бесполезен.

Что касается лжи, то согласно тому же Дж.Э. Махону, ее можно определить не менее чем десятком способов, но большинство философов принимают, с незначительными различиями в формулировках, следующую дефиницию:

L: Лгать =_{df} делать некоторое утверждение, веря в его ложность, с намерением, чтобы другой субъект поверил в истинность этого утверждения.

Как следует из данного определения, ложь является действием, во-первых, предполагающим наличие адресата. В этом она похожа на обман, определенный по D1 или D2. В отношении лжеца и адресата лжи справедливо все, что было сказано об обманщике и обманутом, с той только разницей, что, разводя субъектов во времени, мы подошли бы к понятию лжи самому себе. Постановим, что первое свойство лжи – быть *адресованной субъекту*. С нашей точки зрения, субъектность следует определять как способность приобретать интенциональное отношение к усвоенным и самостоятельно сконструированным лингвистическим объектам [6]. Причины выбора такого определения станут ясны далее.

Во-вторых, для того чтобы считаться ложью, действие должно пониматься самим деятелем как передача адресату некоторой информации о мире [7], выраженной в форме утверждения. Это свойство лжи можно трактовать расширительно, что позволяет считать ложью действия, отличные от произнесения или написания собственно предложений языка. Ведь во многих случаях, которые с точки зрения здравого смысла должны квалифицироваться как ложь, убеждающий эффект достигается с помощью невербальных средств, достаточно точно соответствующих в данном контексте определенным предложениям языка. Общеизвестный пример такого рода – кивание или покачивание головой из стороны в сторону в ответ на вопрос вида «Истинно ли, что *p*?», где *p* – некоторое осмысленное утверждение. Существуют знаковые системы, предназначенные для того, чтобы заменять речь в определенных социальных или

профессиональных контекстах, например, азбука Морзе. При наличии соответствующего контекста нет причин исключать из понятия лжи представление о сообщениях, построенных по правилам таких систем. Впрочем, существование формальной невербальной коммуникации имеет гораздо более серьезные последствия для философии языка, чем для философии сознания, поэтому в рамках данной статьи в качестве примеров лжи будут рассматриваться только предложения естественного языка. Итак, второе свойство лжи – быть *утверждением*.

В-третьих, для лжи необходимо, чтобы у говорящего имелась вера в ложность собственного утверждения или, что то же самое, вера в истинность противоположного утверждения. *Отсюда прямо не следует, что такая вера должна быть доступна сознанию*. Хотя многие философы согласны с концепцией непосредственного эпистемического доступа к собственным ментальным состояниям, на наш взгляд, эта концепция создает больше проблем, чем решает. Третий раздел статьи будет посвящен обоснованию этого тезиса. Вообще говоря, в эпистемологии существует различие эксплицитных и имплицитных убеждений, прояснив которое, можно вплотную приблизиться к философскому понятию несознательной лжи. Будем говорить, что третье свойство лжи – быть *неправдивой*.

Кажется, что именно это свойство наиболее дискуссионное. Например, отдельно следует рассмотреть случаи, когда говорящий не верит ни в истинность своего утверждения, ни в его ложность. Пусть, например, в разговоре с вами некто заявляет: «С завтрашнего дня я перестану курить». При этом он помнит, что обещал бросить курить вчера, а также в прошлый понедельник, а до этого еще несколько раз, но не сдержал своего обещания. Пусть этот раз ничем существенным не отличается от прочих: поблизости от его дома по-прежнему продаются сигареты, он не узнал ничего нового о состоянии своего здоровья и о влиянии табачного дыма на организм, среди его знакомых доля курильщиков не изменилась. Как рациональный субъект он должен по крайней мере допускать, что в этот раз бросить курить тоже не удастся. Если он действительно допускает это, его заявление неправдиво. С другой стороны, заявление, что он *не* перестанет курить с завтрашнего дня, было бы столь же неправдивым, поскольку попытка все же может увенчаться успехом, иначе нет смысла ее предпринимать. В данном случае правдивым, по-видимому, следовало бы считать утверждение «Я надеюсь, что с завтрашнего дня я перестану курить» или, более эксплицитно, «Я хочу перестать курить с завтрашнего дня и считаю, что это возможно», но в обыденной речи люди часто

пренебрегают такими конструкциями. Почему они это делают – вопрос, представляющий интерес скорее для психолога, чем для философа.

В-четвертых, ложь – это намеренное воздействие, цель которого состоит в том, чтобы сформировать у адресата убеждение, соответствующее утверждению лжеца. Согласно этому условию, не являются ложью случаи, когда убеждающий эффект стал следствием интерпретационной ошибки адресата или просто ошибочной адресации, например когда человек полагает, что отправляет SMS одному из своих знакомых, в то время как в действительности сообщение уходит кому-то другому. Также не являются ложью случаи, когда высказывание производится заведомо без цели убедить кого-то в чем-то: когда оно произносится в шутку, в состоянии бреда или при некоторых психических заболеваниях, нарушающих способность адекватно выражать свои мысли. Скажем, если ваш собеседник в ответ на вопрос о своем происхождении говорит что-нибудь вроде «Родился на улице Герцена, в гастрономе № 22» [8], едва ли разумно полагать, что он старается ввести вас в заблуждение. В ту же категорию попадают предложения, произносимые без коммуникативного намерения, например механическое повторение чужих слов. Более сложный случай описан в уже упоминавшейся стэнфордской статье: для того чтобы сорвать ход судебного заседания, свидетель делает очевидно и вопиюще ложное заявление: «Я гигантская панда» [9]. Вопреки сходству с предыдущим примером, кажется, что здесь все же имеется факт лжи. Однако при строгом подходе следовало бы различать намерение убедить судей в том, что свидетель является гигантской пандой, и намерение убедить их в том, что он невянеям. В данном примере наличествует скорее второе, поэтому его разумнее квалифицировать не как ложь, а как обман, совершаемый с помощью высказывания. За неимением более специальных терминов будем говорить, что четвертое свойство лжи – быть *правдоподобной*, имея в виду правдоподобие с точки зрения самого лжеца.

Существуют, конечно, возражения против определения *L*, продиктованные в основном стремлением распространить понятие лжи на те случаи, когда высказываемое утверждение само по себе не становится объектом веры адресата, но служит для того, чтобы сформировать у него другую ложную веру [10]. Наиболее эффектный пример такого рода отражен в известной юмористической истории о разговоре в поезде. Эта история имеет хождение в нескольких вариантах. Нам показался наиболее удачным такой: «Два еврея едут в купе. – Рабинович, скажите, куда вы едете? Рабинович думает: “Если я скажу, что еду в Бердичев, он по-

едет туда же и испортит мне торговлю. Если я скажу, что еду в Тулу, он поймет, что я вру, поедет в Бердичев и испортит мне торговлю. Так я ему скажу, что еду в Бердичев, чтоб он подумал, что я еду в Тулу”. – Так куда вы едете, Рабинович? – Я еду в Бердичев. – Нет, вы врете, вы едете в Бердичев» [11].

В данном случае, как и в случае со свидетелем в суде, обсуждавшемся выше, говорящий намеревается убедить собеседника в чем-то, что не соответствует истине, но не в том, что именно утверждается. Поэтому и здесь, на наш взгляд, разумнее было бы использовать понятие обмана, а не лжи. Эта история лучше, чем что-либо другое, способна продемонстрировать непоследовательность и противоречивость обыденных употреблений понятия лжи. Верно и обратное: о фактах, бесспорно удовлетворяющих определению L, в обыденной речи часто говорят как об обмане.

Легко заметить, что определения D2 и L в значительной степени схожи. На первый взгляд, они различаются только тем, что в L есть указание на вербальный характер действия лжеца. Если бы это было так, ложь следовало бы считать частным случаем обмана. Однако между обманом и ложью существует и более тонкое различие, которое лингвисты называют различием между предельным и непредельным действиями. Обман, согласно любому из приведенных определений, должен быть успешен: обманутый должен поверить обманщику, и то, во что он поверил, должно быть ложно. Глаголы типа «обманывать» иногда называют глаголами достижения результата [12]. Тогда как для лжи не обязательно, чтобы адресат действительно в чем-то убеждался и, тем более, чтобы это убеждение было ложным; достаточно, чтобы лжец не верил в то, что он говорит, но намеревался убедить в этом собеседника. Глагол «лгать» означает само действие, а не его результат.

Именно в этом, на наш взгляд, состоит большое преимущество лжи как философской категории перед категорией обмана. *Чтобы квалифицировать некоторый факт как ложь, требуется содержательно описать лишь две вещи: интенциональное состояние говорящего и высказываемое им утверждение.* Об адресате нужно знать лишь то, что он имеется и обладает субъектностью, внешний мир вообще не рассматривается. Таким образом, структуру описания можно упростить до двухместного отношения между субъектом и объектом, имеющим четыре перечисленных выше свойства. Правда, чтобы более точно сформулировать второе и четвертое свойства лжи, требуется уточнить, что представляет собой утверждение и как устанавливается соответствие между утвер-

ждением и убеждением. Это означает, что нам нужна семантическая теория, подходящая для анализа эпистемологических контекстов. Подходы к такой теории описаны в третьем разделе.

Следует сразу признать, что описание лжи как двухместного отношения само по себе непригодно для анализа ее свойств как коммуникативного феномена, как элемента рефлексивных игр, как социального феномена и т.д. Но в философии сознания такое описание, на наш взгляд, вполне оправданно, поскольку позволяет рассмотреть ложь в контексте теории интенциональных состояний или по крайней мере понять, что препятствует рассматривать ее в этом контексте.

2. Что такое убеждение?

Итак, мы условились считать, что *ложь есть отношение субъекта к высказываемому им утверждению, если это утверждение адресовано субъекту, правдоподобно и неправдиво*. Последнее условие означает, что для построения теории лжи нам в первую очередь требуется теория убеждений (причем такая, которая будет содержать понятие отрицания). В настоящем разделе мы рассмотрим две различные интерпретации убеждения, которые можно выделить в аналитической традиции: пропозициональную и сентенциалистскую.

«Магистральная линия» аналитической философии состоит в том, чтобы интерпретировать убеждение как вид *пропозиционального отношения* наряду со знанием, желанием, надеждой, опасением и другими интенциональными состояниями. Таким образом, всякое убеждение имеет вид «*a* убежден, что *p*», где *a* – имя субъекта, *p* – пропозиция. Понятие пропозиции введено в оборот Б. Расселом, но базируется на семантической теории Г. Фреге, согласно которой у знаков языка следует различать «значение» (*Bedeutung*) и «смысл» (*Sinn*) [13]. Значением знака является его референт, а смыслом – способ указания на этот референт. Отсюда, смыслом утвердительного предложения является сообщаемое в нем суждение, которое определяется смыслом имен и предикатов, его составляющих. Логическая форма суждения называется пропозицией.

Фактически, пропозициональная логика развивалась уже Г. Фреге, но в своем «чистом» виде она могла оперировать только самими суждениями; чтобы говорить о пропозициональных отношениях, требовалась модальная логика. Однако первые модальные (так называемые льюисовские [14]) логики подверглись резкой критике со стороны У. Куайна, который показал, что в них не работает принцип подстановочности тож-

дественного: в модальных контекстах подстановка приводит к тому, что случайные утверждения тождества оказываются невозможными [15]. Только С. Крипке сумел построить семантическую теорию, защищенную от подобной критики и, следовательно, пригодную для обоснования модальной логики. Эта теория известна как семантика возможных миров.

Именно семантика возможных миров использовалась Я. Хинтиккой для создания первой собственно эпистемической логики. У Хинтикки отправной точкой в рассуждениях является анализ роли знания и убеждения в осуществлении людьми рационального выбора. Согласно его интерпретации, сказать: «Субъект знает, что p » – значит указать на то, что при выборе действия субъект будет принимать во внимание те возможные миры, где p истинно, и игнорировать те, где p ложно. Например, если некто знает, что сегодня не будет дождя, то он, выходя утром из дома, не возьмет с собой зонт [16]. Убеждение Хинтикка интерпретирует подобным же образом, замечая лишь, что убеждения являются значительно худшим руководством к действию, чем знания, поскольку не основываются на фактах. Из сказанного следует, что Хинтикка принимал диспозиционализм относительно убеждений [17]. Диспозиционализм означает, что любые два убеждения субъекта, определяющие одно и то же поведение в одних и тех же ситуациях, нужно считать одним убеждением вне зависимости от того, что сам субъект может думать о них как о разных. Строго говоря, при таком подходе вообще необязательно допускать, что убеждения каким-то образом представлены в сознании.

Революционным шагом Хинтикки как логика стало добавление к языку классической пропозициональной логики двух эпистемических операторов: оператора знания и оператора убеждения, или убежденности. Каждый из них имеет два аргумента: имя субъекта и суждение, составляющее содержание знания или убеждения этого субъекта. В нотации Хинтикки запись $K_a p$ читается как « a знает, что p » (a knows, that p), а запись $V_a p$ читается как « a убежден, что p » (a believe, that p). Постулируются следующие свойства оператора убежденности для любых a, p :

V1. $V_a(p \rightarrow q) \rightarrow (V_a p \rightarrow V_a q)$ – субъект должен быть убежден в истинности всех следствий принимаемых им допущений;

V2. $V_a p \rightarrow \sim V_a \sim p$ – невозможно быть убежденным одновременно в истинности какого-нибудь высказывания и в истинности его отрицания;

V3. $V_a p \rightarrow V_a V_a p$ –

если a считает, что p , то он также убежден в том, что он так считает;

$$\mathbf{B4.} \sim B_a p \rightarrow B_a \sim B_a p -$$

если a не считает, что p , то он должен быть убежден в том, что он так не считает.

Принятие постулатов В1 и В2 оправдывается целью построения формальной системы, предложения которой можно интерпретировать в согласии с наиболее надежной интуицией философской эпистемологии, которая состоит в том, что множество наших убеждений имеет логическую организацию и не содержит по крайней мере явных противоречий. Однако, как можно заметить, накладывание таких ограничений на понятие убеждения делает его сугубо нормативным, в высшей степени рационализированным и, по-видимому, весьма далеким от того, чтобы описывать сознание реальных людей. Вполне естественно, что даже самый внимательный и рациональный человек не всегда способен вывести сразу все следствия из принятых им допущений, тем более что процесс вывода может включать такие операции, для которых потребовалось бы вычислительное устройство с иной структурой или иной мощностью, чем человеческий мозг. Например, в современной математике существуют теоремы, доказанные с помощью машины, однако актуальной задачей остается поиск «человеческих» доказательств для таких теорем. Хотя любое доказательство состоит из элементарных дедуктивных шагов, каждый из которых интуитивно понятен, последовательность этих шагов может быть настолько длинной, что осмыслить ее полностью будет не под силу и самому талантливому математику [18]. Вообще, как замечал Б. Рассел, «наши доводы для веры в логику и чистую математику являются отчасти лишь индуктивными и вероятными, вопреки тому факту, что в своем логическом порядке утверждения логики и чистой математики следуют из посылок логики посредством чистой дедукции» [19].

Далее, даже если мы способны перейти от посылок к следствиям, не во всех следствиях мы будем равным образом убеждены. В некоторых случаях весьма правдоподобные посылки и логически корректные рассуждения приводят к странным с точки зрения здравого смысла и даже парадоксальным выводам. Хотя такие случаи представляют собой скорее исключение, чем правило, в истории их известно немало, и развитием науки мы обязаны, в частности, способности человеческого разума справляться с ними. Эта способность до некоторой степени осмыслена в специальном разделе эпистемической логики под названием «логики

ревизии убеждений» (logic of belief revision), но и здесь используются значительные упрощения. Конечно, ревизия убеждений может рассматриваться как логическая операция, но это не снимает вопроса о том, как она осуществляется в действительности. Например, существует ли какое-то промежуточное состояние сознания между тем моментом, когда субъект пришел к выводу, что вера в некоторое p делает его систему убеждений противоречивой, и тем моментом, когда он уже отказался от веры в p и разделяет вместо этого веру в $\sim p$?

Постулаты В3 и В4 означают, что субъект обладает надежным «знанием о себе» (self-knowledge) – о том, во что он верит и во что не верит. Концепция знания о себе предоставляет широкое поле для философской дискуссии. Как известно, идея особого эпистемологического совершенства наших суждений о собственном сознании восходит, по крайней мере, к Декарту, который считал, что истинность утверждения «Я мыслю» может быть установлена любым субъектом без обращения к выводу и вне зависимости от принятия каких-либо допущений. Мнение, которое субъект имеет о таких своих состояниях, как сомнение, понимание и суждение, а также предположение о наличии у него сенсорного опыта Декарт тоже рассматривал как истину, познаваемую без посредства вывода. Этот тезис лежал в основе картезианского психофизического дуализма – онтологической позиции, которая, по-видимому, имплицитно предполагается большинством современных гуманитарных наук [20]. В философии взгляды Декарта повлияли на Локка, Юма, Гуссерля, Хайдеггера и вообще, наверное, на подавляющее большинство философов, занимающихся проблемой ментального, вплоть до середины XX в. Хотя многие авторы этого периода предпочитали более сдержанную оценку надежности знания о себе, они так или иначе признавали за субъектом особый авторитет в познании своих ментальных свойств и состояний. Так, Р. Рорти считал, что общим признаком суждений о ментальном является некорректируемость. Суждение некорректируемо, если никто, с точки зрения третьего лица, не может показать субъекту его ложность, по крайней мере если оно правильным образом обосновано. Идея некорректируемости в более позднее время была поддержана Д. Деннетом [21].

Также существуют различные способы объяснить источник знания о себе. Самый простой из них – постулировать *привилегированный эпистемический доступ от первого лица*. В современной философии теория привилегированного доступа существует в основном в структурном варианте, инспирированном Ф. Бретано, который полагал, что убеждение

относительно собственного ментального состояния и само это состояние должны рассматриваться как единый феномен. Например, осознание чувственно воспринимаемого стимула, такого как звук, согласно Бретано, «явно возникает вместе с осознанием этого осознания», т.е. оно является осознанием «всего психического акта, в котором представлен звук и одновременно осуществляется его осознание» [22]. Для того чтобы философски корректно описать идею привилегированного доступа, достаточно постулировать у всех или хотя бы у некоторых ментальных состояний свойство сообщать о себе (self-intimation). «Ментальным состоянием, сообщающим о себе, является такое состояние, находясь в котором, человек (или по крайней мере человек с нормальными фоновыми психическими способностями) обязательно верит, или полагает, или знает, что он находится в этом состоянии» [23]. Это свойство очень удобно для интерналистского обоснования возможности эмпирического знания. Так, в «Теории знания» Р. Чизхолма высший эпистемологический статус достоверных (certain) получают, в частности, убеждения субъекта относительно собственных ментальных свойств, которые имеют вид «Я есть *P*», где *P* – свойство, определяемое следующим образом: любое свойство, формально следующее из *P*, имеет своим материальным следствием свойство мысли [24]. Чизхолм называет такие свойства самоочевидными (self-presenting), и это название явным образом отсылает к концепции сообщающих о себе ментальных состояний.

В современной философии сознания теория привилегированного доступа подвергается критике, причем количество направлений этой критики все возрастает. На наш взгляд, наиболее доходчиво аргументы против привилегированного доступа представлены в книге Г. Райла «Понятие сознания». Приведем отрывки из соответствующей главы:

«Первый аргумент... состоит в том, что ни один человек, свободный от каких-то философских теорий, никогда не попытается оправдать ни одно свое фактуальное утверждение тем, что он будто бы обнаружил это “в сознании”, “как прямое свидетельство сознания”, или “из непосредственного постижения”. ...Если его спросят, действительно ли он знает что-то, верит во что-то, делает заключения о чем-то, боится чего-то, напоминает или осязает что-то, то он никогда не ответит: “О, разумеется, это так, потому что я это осознаю, и даже очень отчетливо”. А ведь именно к этому как к чему-то исходному должен он апеллировать, согласно обсуждаемой концепции.

...Далее, нет никакого противоречия в признании, что кто-то может не распознать собственную структуру сознания. Вообще-то известно, что люди постоянно ошибаются в таких вещах; они... удивляются, заметив, что часы, оказывает-

ся, остановились, потому что до того они не замечали их тиканья; во сне они не всегда сознают, что спят, а иногда не уверены, что не спят; они чистосердечно доказывают, что ничуть не раздражены, будучи явно раздраженными.

Наконец, даже если бы процесс самопредъявления, составляющий, как предполагается, необходимую компоненту любого ментального состояния или процесса, и не требовал отдельного акта внимания или отдельной когнитивной операции, все равно то, что я осознаю, осуществляя, например, процесс логического вывода, отличается от того, что схватывается в самом выводе... Но если это так, то можно было бы спросить, не должен ли я также, согласно доктрине, осознавать, что осознаю процесс логического вывода... И это можно продолжать без остановки» [25].

Заметим, что последнее возражение Райла особенно сильно, поскольку представляет собой аргумент типа «бесконечный спуск». Удовлетворительный ответ на это возражение до сих пор не найден. Есть и другие, сугубо научные свидетельства против теории привилегированного доступа. Согласно Э. Гопник, в возрастной психологии известны факты, указывающие на то, что «способность приписывать эти состояния себе развивается у детей в том же возрасте, что и способность приписывать их другим. Например, дети, по-видимому, не могут осознать, что обладали ложным убеждением в прошлом (если их до этого обманул экспериментатор), раньше, чем они начнут приписывать ложные убеждения другим людям» [26]. С точки зрения Гопник, как и с точки зрения Райла, предположение о наличии у нас какого-то привилегированного доступа к собственным ментальным состояниям более чем произвольно. Скорее мы развиваем *«теорию ментального»*, в свете которой интерпретируем свидетельства, подкрепляющие наши суждения о собственных убеждениях. Мы наблюдаем собственное поведение так же, как и поведение других людей, с той только разницей, что себя самих мы можем наблюдать постоянно (за исключением, конечно, тех моментов, когда спим или находимся «без сознания»). Мы учимся применять психологические предикаты к себе так же, как учимся применять их к окружающим.

Еще одним способом объяснить происхождение нашего знания о себе является постулирование способности субъекта к *интроспекции*, понимаемой по аналогии с восприятием с помощью органов чувств. Интроспекцию в этом смысле нужно отличать от интроспекции в том смысле, который предполагается в теории привилегированного доступа в тех относительно редких случаях, когда в рамках этой теории появляется надобность в понятии интроспекции. Интроспекция как «внутрен-

нее чувство» (inner sense) может описываться физикалистски. Например, С. Николс и С.П. Стич считают, что она представляет собой процесс «считывания» низкоуровневых состояний мозга и создания определенного вида репрезентации этих состояний, которая сохраняется в метафорическом «хранилище убеждений», чтобы при необходимости быть извлеченной оттуда [27].

Теория квазичувственной интроспекции, так же как и теория привилегированного доступа, признает, что наши убеждения являются «невыведенными» (non-inferential), однако допускает возможность ошибки. Это означает, что она вполне совместима с соображениями, выдвигаемыми Э. Гопник и др. С нашей точки зрения, именно эта теория может обосновать употребление понятия «несознательная ложь», поскольку аналогия между «осознанием» (как процессом интроспектирования) и восприятием позволяет сформулировать концепцию несознательного действия как такого действия, которое невоспринимается интроспективно. Характерно, что о самообмане также говорят чаще всего именно в контексте определенной деятельности, которая происходит не так или не по тем причинам, как об этом думает субъект. Но даже если не принимать предположения, что интроспекция может ошибаться, способность к ней скорее всего имеет ограничения. Приведенный выше пример с человеком, бросающим курить, демонстрирует именно эту ситуацию: причиной вводящего в заблуждение поведения такого человека, в том числе речевого поведения, является, по-видимому, неспособность дать однозначную интроспективную оценку вероятности желательного исхода.

Принципиально иной подход к убеждению, существующий в рамках аналитической философии, состоит в том, чтобы интерпретировать убеждения не как отношения между субъектом и пропозицией, но как отношения между субъектом и *предложением* некоторого «языка мышления». Эту точку зрения можно с равным основанием называть сентенциализмом или концептуально-ролевой семантикой. Далее мы покажем, почему, на наш взгляд, ее удобнее применять к проблеме лжи, чем классический пропозициональный подход.

Ясно, что сентенциализм – одна из версий репрезентационализма относительно убеждений [28], а именно, версия, настаивающая на том, что репрезентирование аналогично обозначению, а сами репрезентации – значимым языковым выражениям. Стронниками этого «лингвистического» репрезентационализма можно назвать П. Дрекке, Дж. Фодора, Х. Филда, Г. Хармана, П. Каррутерса и многих других философов, однако разные авторы по-разному понимают, что означает эта точка зрения.

Анализируя существующие теории, которые претендуют на то, чтобы раскрывать взаимосвязь между языком и мышлением, Дж. Харман выделяет два их базовых типа: теории, согласно которым естественный язык используется преимущественно для коммуникации, и теории, в которых сама структура мыслей считается близкой к структуре выражений естественного языка [29]. Согласно теориям первого типа, чтобы выразить какое-то свое убеждение в естественном языке, говорящий должен осуществить процесс его перевода с некоего универсального мыслительного кода в предложение языка по известным ему правилам. Соответственно, воспринимающий должен осуществить обратный перевод. Смыслом предложения в данном случае считается убеждение. Но, как замечает Харман, это оставляет нерешенным вопрос о смысле или содержании самих убеждений, т.е. предложений мыслительного кода, каким бы он ни был.

Второй тип теорий предполагает, что для выражения и понимания мысли в естественном языке никакого перевода не требуется, поскольку коммуникация в большинстве случаев происходит на том же языке, на котором осуществляется мышление. Проще говоря, человек, для которого родным является русский язык, имеет «русскоязычные» убеждения. Подобных взглядов придерживается, в частности, Х. Филд, который прямо называет язык мысли «идиолектом» – термином, заимствованным из лингвистики, где он означает индивидуально используемую версию естественного языка. У Филда идиолект определяется как множество выражений, «понимаемых» данным субъектом, причем границы идиолекта, как правило, не совпадают с границами какого-либо естественного языка или объединения языков [30]. С нашей точки зрения, такой подход привлекателен тем, что он позволяет считать теорию значения в буквальном смысле теорией ментального или, по крайней мере ее частью, касающейся ментальных состояний интенциональной природы. Это и есть сентенциализм в полном смысле слова.

Основной вопрос для сентенциализма формулируется Дж. Харманом так: что значит для мысли иметь смысл? Явно не то, что мысль может иметь одно или несколько «пониманий» для субъекта, «мыслителя», поскольку, являясь его собственной мыслью, она уже понятна ему, причем единственным образом. Осмысленность скорее значит, что эта мысль каузально связана с другими мыслями, восприятиями и поведением, т.е. играет определенную роль в структуре вывода *этого конкретного субъекта* [31]. Например, если субъект убежден в некотором *s* и не знает, что по правилам языка *s* влечет за собой *t*, он не обязательно будет

убежден в t . Более того, он может быть убежден в обратном. На наш взгляд, именно тот факт, что сентенциализм допускает существование противоречивых убеждений, является главным основанием для выбора этого подхода. Хотя в нем должны, наверняка, формулироваться определенные постулаты, аналогичные хинтикковым, здесь эти постулаты будут иметь характер промежуточных выводов, а не аксиом. Они могут натурализоваться тем или иным способом и, что особенно важно, уточняться с помощью психологического эксперимента.

С точки зрения философии языка тот же, по сути, подход получил название концептуально-ролевой семантики. Особенность этой семантической теории состоит в том, что в ней используется понятие *содержания*, более общее, чем понятия смысла и значения. Содержанием могут обладать и те языковые выражения, которые используются в коммуникации, и те, которые используются в мышлении, т.е. выражают убеждения, желания, надежды, опасения и т.д. Поэтому оба способа использования языка описываются одной и той же семантической теорией, что, конечно же, очень удобно. Конкретнее, относительно предложений устной и письменной речи концептуально-ролевая семантика предполагает следующее: чтобы узнать, что сказано определенным предложением, нужно понять, учитывая контекст, каковы были основания для произнесения этого предложения и какие предложения могут закономерно следовать за ним. Применительно к убеждениям соответствующий тезис может быть сформулирован так: чтобы узнать, что значит быть убежденным в некотором s , нужно знать, во-первых, что может быть причиной принятия этого убеждения, т.е. при каких сенсорных стимулах и с какими знаниями, убеждениями и желаниями субъект будет предрасположен верить, что s ; во-вторых, что может быть следствием принятия этого убеждения, т.е. к каким знаниям, убеждениям, желаниям и к какому поведению будет предрасположен субъект, верящий, что s .

Поскольку в данной теории убеждения и речевое поведение представляют собой явления одной природы, можно предположить, что субъект, систематически искренне утверждающий, что s , действительно верит, что s . Однако это может быть не так, если он в какой-то момент имеет противоречивый набор убеждений. В самом деле, если верно, что мнение о собственных убеждениях субъект может получать или через квазичувственную интроспекцию, или через «теорию ментального», или через то и другое, тогда может случиться так, что интроспективным путем он получит одно множество собственных убеждений, а из теории будет следовать другое. Если предположить теперь, что наша «теория

собственного ментального» согласуется со всеми нашими искренними утверждениями о себе (предположение, отрицание которого выглядит по меньшей мере странно), тогда эта противоречивость может объясняться очень просто – как противоречие между утверждениями теории и интроспективными данными. В условиях ограниченной способности к интроспекции такие противоречия могут минимально проявляться в сознании субъекта, и тогда у каждого из нас может оказаться множество ложных убеждений о себе, о которых мы, возможно, никогда не узнаем. Именно высказывание таких убеждений кажется уместным назвать «ложью самому себе», разумеется, в метафорическом значении (на что и указывают кавычки). Тогда получится, что «ложь самому себе», как и несознательная ложь, является следствием ограничений интроспективного процесса, но иных его ограничений. Фактически, утверждения «лжи самому себе», адресованные кому-то другому, представляют собой пограничный случай правдивости. Они могут интерпретироваться как правдивые или неправдивые в зависимости от того, как понимается условие, что субъект не верит в то, что утверждает.

3. Зачем нужна детекция лжи?

Тема лжи является важной с точки зрения не только теории ментального, но и общественной практики. Какой бы деятельностью вы ни занимались, если в ней задействован кто-то еще, то для ее успеха очень важно, сумеете ли вы распознать, когда ваш партнер вам лжет. Ввиду этого одним из приоритетных направлений развития психологии является детекция лжи. Применительно к нашей теме имеет смысл следующий вопрос: может ли детекция лжи прояснить проблему несознательной лжи, иными словами, *может ли детектор выявить что-то, неизвестное самому лжецу?*

На наш взгляд, можно дать положительный ответ на этот вопрос. Не будем забывать, что, с точки зрения некоторых современных теорий, любой измерительный инструмент является чем-то вроде подключаемого органа восприятия; тогда детектор вполне закономерно считать инструментом познания лжи, дополнительным к избранной теории лжи, будь то теория научной психологии или психологии «народной». В конце концов, аналогичное квазивосприятие без всякого детектора позволяет хорошему психологу распознавать ложь на основе наблюдений за поведением собеседника, не подавляющего специально свои невербальные сигналы. Обычно для этого не требуется психологическое образование,

не обязательно даже осознавать свои действия, достаточно на интуитивном уровне узнавать набор наиболее характерных признаков лжеца [32]. Далее, если принять, что способность интроспекции ограничена и считать, что несознательная ложь, а также «ложь самому себе» существуют, то детекция лжи является потенциально полезной не только в познании ментальных состояний других людей, но и в познании себя самого. Хороший детектор может стать гораздо лучшим средством самопознания, чем интроспекция, данная нам, как предполагается, от природы. А может быть, интроспекции вовсе не существует, и тогда детектор – единственно возможный источник невыведенных знаний о себе.

Итак, что такое детектор лжи и что он измеряет? Можно сказать, что идея детекции представляет собой попытку дать функционалистское определение лжи, в котором входящей информацией считались бы определенные характеристики речевой ситуации, а исходящей – не только поведение, но и некоторые физиологические реакции, скрытые от «невооруженного» глаза. Очевидно, что подобная редукция понятия лжи имеет для нас смысл только при условии, что существуют реакции (или вероятностно определенные множества реакций), которые всегда сопровождают ложь, определенную согласно L. Настоящий раздел нашей статьи призван показать, что научные данные говорят в пользу такого предположения.

«По легенде, первый в мире детектор лжи придумал несколько веков назад один индийский жрец. Он будто бы запер дверь подозреваемого в комнате с “волшебным осликом”. Предполагаемый преступник должен был потянуть рукой за хвост волшебного ослика. При этом если человек этот лжец, ослик должен был сказать об этом человеческим голосом... (Втайне от всех старейшина заранее натирал хвост ослика сажей.) Выйдя из комнаты после общения с осликом, подозреваемый обычно заявлял о своей невинности, ведь ослик ничего не сказал, когда его потянули за хвост. Но затем жрец осматривал руки подозреваемого. Если руки оказывались чистыми, это означало, что человек лжет» [33]. Такого рода приемы применяются для выявления лжи до сих пор, и их суть прекрасно выражена русской пословицей «на воре шапка горит». Несмотря на свою простоту, они действенны в большинстве бытовых ситуаций, когда возникает необходимость выявить ложь. К сожалению, их применение не всегда возможно, а кроме того, хорошо мотивированный и искушенный лжец на них не попадется.

В случаях, когда от правильного ответа детектора зависит чье-либо материальное или правовое положение, применяются различные техни-

ческие инструменты детекции. Самым известным из них является полиграф. Метод полиграфического исследования опирается на следующую гипотезу: «внешние стимулы (вопросы, предметы, изображения), несущие в себе информацию о запечатленном в памяти опрашиваемого лица событии и представляющем для него высокую значимость (ситуационная значимость), устойчиво, т.е. от предъявления к предъявлению, вызывают физиологические реакции, превышающие по своей выраженности реакции на аналогичные, но представляющие для него меньшую значимость стимулы» [34]. Как известно, полиграф измеряет различные физиологические показатели человека (скорость сердечных сокращений, скорость и глубину дыхания, уровень кожно-гальванического рефлекса и т.д.) во время его тестирования с помощью набора вопросов. Чтобы полученные данные было легко интерпретировать, вопросы должен составлять профессионал-полиграфолог по одной из принятых методик. Чаще всего применяется методика, где значимые вопросы перемежаются теми, которые не относятся к делу и являются контрольными. Контрольные вопросы формируют у исследователя представление о фоновых значениях измеряемых показателей для конкретного испытуемого. Если значения большинства показателей, полученные при ответе испытуемого на один из значимых вопросов, резко отличаются от фоновых значений, это свидетельствует, что испытуемый лжет.

Хотя в некоторых странах полиграфическое исследование принимается в качестве доказательства в суде и широко используется частными лицами, надежность данного метода невысока. Это и неудивительно, если учесть, что полиграф выявляет ложь на основании косвенных признаков, в основном имеющих отношение к уровню стресса испытуемого в момент ответа на вопрос. Такой детектор лжи можно обмануть, если обладать навыками подавления стресса, которые специально формируются в процессе подготовки, например, работников спецслужб. Кроме того, полиграф без труда обманывают социопаты, ведь они не чувствуют за собой вины, когда лгут. Так, знаменит случай серийного убийцы Гэри Риджуэя, известного как убийца из Грин-Ривер, который в 1948 г. успешно прошел тест на полиграфе, и лишь в 1997 г. на основании анализа ДНК удалось доказать его виновность. В 2003 г. Национальная академия наук США выпустила разгромный доклад по вопросу о надежности полиграфов. В этом в докладе содержится длинный список методов их «обмана» и ситуаций, при которых правдивый человек может выглядеть лжецом [35].

Измерение мозговой активности – более многообещающий подход, чем полиграфическое исследование. Еще в 70–80-х годах прошлого века был поставлен вопрос о том, можно ли получить надежные данные о скрываемой человеком информации путем измерения показателей активности его мозга. До недавнего времени были известны два метода такого измерения: электроэнцефалограмма (ЭЭГ) и функциональная магнитно-резонансная томограмма (фМРТ). Детекторы лжи на основе ЭЭГ появились благодаря работам Дж.П. Розенфельда из Северо-Западного университета (США), который заметил, что ЭЭГ человека в момент произнесения лжи отличается от ЭЭГ того же человека в момент произнесения правды. Точнее, в этих случаях различаются биоэлектрические колебания, получившие в психофизиологии название когнитивных вызванных потенциалов (КВП). Они возникают в нервных структурах в ответ на внешнее раздражение и находятся в строго определенной временной связи с началом его действия. Поскольку амплитуда одиночных ответов мозга в несколько раз меньше амплитуды фоновой ЭЭГ, достаточно точное измерение КВП стало возможным после того, как начали применяться компьютерные методы анализа ЭЭГ.

Долгое время считалось, что основным носителем информации о том, лжет человек или нет, является волна P300 – основной положительный компонент КВП с латенцией от 300 до 800 мсек. Предполагалось, что форма волны P300 при определенных исследованиях сама по себе может ответить на вопрос «да» или «нет», человеку даже не нужно вслух произносить это. Однако было показано, что «изменение экспериментальной парадигмы, порядка предъявления стимульного материала и инструкции, условия регистрации и усреднения – все это значительно меняет анализируемые параметры КВП» [36]. Сегодня считается, что волна P300 состоит из двух относительно независимых компонентов: волн P3a и P3b. P3a локализуется в основном в области предцентральной извилины, отвечающей за работу внимания, тогда как P3b связана с активностью нескольких областей мозга, имеющих отношение к принятию решения. Чтобы выявить точные характеристики активности мозга при производстве лжи, изменения P3a и P3b должны учитываться отдельно. В целом, хотя конкретные параметры P300 могут сильно варьировать в зависимости от особенностей психики человека, от его личного опыта и от его оценки ситуации, выявляются устойчивые индивидуальные паттерны, отличающие правдивые ответы испытуемого от ложных [37].

В современных работах есть предположения о связи с феноменом лжи не только P300, но и других КВП. Например, Дж. Вендемия из Уни-

верситета Южной Каролины на основе лабораторных исследований заключила, что «комбинация компонентов P3a, P3b, N4 и более поздней позитивной волны одновременно наблюдается в процессе лжи» [38]. Поздний отрицательный компонент N4, возникающий преимущественно в нижней лобной извилине, она связывает с процессом согласования ответа с памятью и семантическим планом высказывания. Поздняя положительная волна, локализуемая в височной и предцентральной извилинах, по мнению Вендемя, может быть связана с повторным и окончательным анализом содержания ответа.

Таким образом, метод регистрации КВП имеет перед традиционным полиграфом то важное преимущество, что он не просто с высокой вероятностью выявляет сам факт лжи, но еще и способен дать информацию о различных психических функциях, участвующих в процессе производства лжи. Единственным недостатком этого метода можно считать то, что карта мозговой активности, которая получается в результате, является, по существу, двумерной и имеет разрешение, недостаточное для того, чтобы регистрировать активность отдельных нейронов и даже групп нейронов.

Еще более точным является метод детекции лжи с помощью фМРТ. Он опирается на технологию, называемую когнитивным вычитанием (*cognitive subtraction*), в основе которой лежит гипотеза о том, что существуют зоны мозга, ответственные за сам факт сокрытия правды вне зависимости от темы ложного высказывания, мотивов человека, его произносящего, и т.д. Это предположение подтверждают лабораторные тесты, в которых человека просят на один и тот же набор вопросов давать сначала правдивые ответы, а потом ложные. У разных испытуемых карты возбуждения мозга при ответах на одинаковые вопросы могут значительно различаться, однако некоторые участки мозга стабильно демонстрируют присутствие или отсутствие активности в зависимости от того, лжет ли человек или говорит правду. Так, в норме у лжеца наблюдается повышенная активность в лобной и височной долях, в частности в вентральной медиальной части префронтальной коры и в передней части поясной извилины – областях, которые нейронаука связывает с такими типами человеческого поведения, как проявление эмоций, разрешение конфликтов и подавление нежелательных реакций. Не случайно утверждение, что ложь является более сложной формой поведения, чем правдивая речь, и что лжец должен совершить некоторое дополнительное усилие, чтобы не выдать правды вербально или невербально, хорошо согласуется уже с дотейоретическими представлениями о лжи.

Пионером в использовании метода детекции лжи с помощью фМРТ стал Д. Лэнглебен из Университета Пенсильвании, начавший изучать нейрофизиологию лжи в 1999 г. Новая технология быстро привлекла к себе внимание из-за своей эффективности, поразительной по сравнению с классическими полиграфами: в полевых исследованиях она дает определенный результат с вероятностью 95% и более. Широкому внедрению фМРТ-детекции в общественную практику до сих пор мешала в основном высокая цена сканирования, однако в нескольких сложных судебных делах именно этот метод помог вынести окончательный вердикт. Вместе с тем критики указывают, что данный метод не застрахован от ошибки, например, при тестировании человека в состоянии сильного нервного возбуждения [39]. Наконец, серьезным препятствием является то, что малейшее движение испытуемого во время сканирования сводит на нет результат всей процедуры.

В связи с ограничениями, присущими рассмотренным методам, большое значение имеют относительно недавно открытые методы сканирования мозга, в частности инфракрасное (ИК) сканирование. Согласно «New Scientist», патент на ИК детектор лжи принадлежит группе исследователей из Медицинского колледжа Дрексельского университета Филадельфии [40]. Они разработали специальную головную повязку, которая через кожу и кости черепа посылает в мозг свет, спектрально близкий к инфракрасному, и регистрирует количество отраженного света. Оно зависит от уровня кислорода в крови, что, в свою очередь, зависит от того, насколько активен мозг в данной точке. Метод и дешевле, и проще в применении, чем фМРТ, и дает карту мозговой активности более высокого разрешения, чем ЭЭГ.

Разнообразие методов детекции позволяет надеяться, что скоро наукой будут найдены достаточно надежные функциональные корреляты лжи. Во всяком случае, если когда-то общественность согласится, что определенный метод с вероятностью, близкой к 100%, выявляет ложь, субъект, имеющий убеждение о себе, которое детектор будет «считать» ложным, получит хорошую причину и, главное, возможность опытным путем исследовать собственную систему убеждений и решить, считать ли ее надежной или предпринять ревизию. Кроме того, если для эпистемологических контекстов будет разработана семантическая теория и выводы этой теории будут хорошо согласовываться с показаниями детектора, это будет причиной считать данную теорию лучшей, чем другие. Конечно, если ее интерпретации будут приемлемы с точки зрения интроспекции – но ведь никакой интроспекции, возможно, не существует.

Примечания

1. Среди русскоязычных текстов на эту тему можно отметить масштабную, выдержанную в континентальном стиле работу А.К. Секацкого, в которой ложь возводится в ранг культуuroобразующего принципа. См.: *Секацкий А.К.* Онтология лжи. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2000.

2. См., например: *Знаков В.В.* Психология понимания правды. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 238–258.

3. Здесь и до конца раздела определения приводятся по: *Mahon J.E.* The definition of lying and deception // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2008 Edition). – URL: <http://plato.stanford.edu/entries/lying-definition/> (дата обращения 25.10.2014).

4. В этом определении, на наш взгляд, лучше использовать понятие «субъект», чем понятие «лицо», которым обычно переводят английское «person», употребленное в оригинале. О причинах этого мнения говорится ниже.

5. В данной статье словом «утверждение» переводится английское «statement», означающее утвердительное высказывание естественного языка или его эквивалент в контексте коммуникативной ситуации. Слово «суждение» используется для обозначения семантической составляющей утверждения, его смысла, а «предложение» означает суждение, выраженное в конкретной языковой форме, но в отрыве от ситуации его произнесения или написания. Говоря о «вере», мы не подразумеваем те иррациональные коннотации, которые присущи этому слову в русском языке, а имеем в виду лишь то, что у субъекта есть такое-то и такое-то мнение. Английское «belief» точнее всего переводится на русский именно как «мнение», но в силу традиции мы чаще будем пользоваться понятием «убеждение», которое тоже следует воспринимать без каких-либо коннотаций, размывающих его простой интенциональный смысл.

6. Подробнее см.: *Моисеева А.Ю.* Сознание как интенциональность относительно лингвистических объектов // *Философия науки.* – 2013. – № 1 (56). – С. 110–114.

7. В понятие информации в данном случае включается понятие дезинформации. Подробнее о них см., например: *Свинцов В.И.* Кванторы «истинно» и «ложно» на непропозициональных уровнях // *Философские науки.* – 1987. – № 3. – С. 55–62.

8. Широко известный пример шизофазии из Большой медицинской энциклопедии (1962 г.).

9. См.: *Mahon J.E.* The definition of lying and deception.

10. Другой тип возражений сводится к тому, чтобы считать свойством лжи то, что говорящий намерен нанести вред адресату высказывания. Такая возможность уже обсуждалась применительно к обману, и для лжи можно привести те же самые соображения.

11. *Мезен А.* Еврейские анекдоты. «Еврей сошел на вокзал в Берлине...» // *EVROFILM* – Еврейский медиа портал. – URL: <http://evrofilm.com/evrejskie-anekdoty-evrejsoshel-na-vokzale-v-berline.html> (дата обращения 11.11.2014).

12. См., например: *Пайл Г.* Понятие сознания. – М.: Идея-Пресс, 1999. – С. 219.

13. См.: *Фреге Г.* Смысл и значение // Фреге Г. Работы. – М.: Дом интел. книги, 1997. – С. 25–49.

14. По имени Д. Льюиса, одного из первых философов, всерьез воспринявших возможность формализации модальных контекстов.

15. См., например: *Куайн У.* Слово и объект. – М.: Логос; Праксис, 2000.

16. См., например: *Hintikka J.* Socratic Epistemology: Explorations of Knowledge-Seeking by Questions. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – P. 9–13.

17. Напомним, что диспозиционализм – это общий подход в философии сознания, в рамках которого ментальное свойство интерпретируется как поведенческая диспозиция, т.е. как свойство быть предрасположенным к определенному поведению в определенных условиях. Одним из первых философов, широко использовавших диспозиционализм для объяснения феноменов сознания, был Г. Райл. Стронниками диспозициональной теории убеждений, в которой используется семантика возможных миров, являются Д. Льюис и Р. Сталнакер. Полемику с этими авторами см.: *Field H. Truth and the Absence of Fact*. – Oxford: Clarendon Press, 2001. – P. 34–43, 83–103.

18. Подробнее об этой проблеме см., например, работы В.В. Целищева, в особенности: *Целищев В.В. Тезис Черча*. – Новосибирск: Параллель, 2008.

19. *Рассел Б. Логический атомизм // Аналитическая философия: становление и развитие (антология)*. – М.: Дом интел. книги; Прогресс-Традиция, 1998. – С. 20.

20. «Гуманитарных» в том смысле, в котором этот термин употреблялся в русскоязычной литературе, т.е. в тех, которые называют науками о культуре.

21. См., например: *Demmet D.C. The case for rorts // Rorty and His Critics*. – Malden, MA: Blackwell. – P. 91–101.

22. Цит. по: *Schwitzgebel E. Introspection // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2014 Edition)*. – URL: <http://plato.stanford.edu/archives/sum2014/entries/introspection/> (дата обращения 03.11.2014).

23. Ibid.

24. См.: *Chisholm R.M. Theory of Knowledge*. – 3d ed. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1989. – P. 19, 62.

25. *Пайл Г. Понятие сознания*. – С. 163–164.

26. Цит. по: *Schwitzgebel E. Introspection*.

27. См.: *Nichols S., Stich S.P. Mindreading: an Integrated Account of Pretence, Self-awareness, and Understanding Other Minds*. – Oxford: Oxford University Press, 2003.

28. Тезис репрезентационализма можно сформулировать так: ментальные состояния, интенциональные по природе, определяются наличием в сознании репрезентаций – идеальных объектов некоторого вида, которые находятся с объектами и явлениями внешнего мира в отношениях отображения или обозначения. Основной пункт, по которому расходятся репрезентационалисты, – имеют ли ментальные репрезентации структуру выражений некоторого языка или это скорее «внутренние» визуализации (схематические, картографические отображения). В пользу каждой из точек зрения существуют весомые аргументы. Подробнее об этом см.: *Schwitzgebel E. Belief // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2014 Edition)*. – URL: <http://plato.stanford.edu/archives/spr2014/entries/belief/> (дата обращения).

29. Третий тип теорий, выделяемых Харманом, включает оба первых типа. Это теории языка языковых игр, учитывающие контекст и прагматическую составляющую значения. Подробнее см.: *Harman G. Reasoning, Meaning, and Mind*. – Oxford: Clarendon Press, 1999. – P. 157–162, 175–176.

30. См.: *Field H. Truth and the Absence of Fact*. – P. 157.

31. См.: *Harman G. Reasoning, Meaning, and Mind*. . . – P. 176.

32. Впрочем, существует обширная литература на эту тему, которая используется профессионалами и широкой общественностью, с одной стороны, чтобы повысить свои навыки распознавания лжи, с другой стороны, чтобы при случае более эффективно скрывать собственную ложь. См., например: *Экман П. Психология лжи: Обмани меня, если сможешь*. – СПб.: Питер, 2009.

33. Детекторы лжи на основе MPT // *Physicinweb.ru*. Интересно о физике. – URL: <http://www.physic-in-web.ru/study-215-1.html>

34. Формулировка Ю.И. Холодного. Цит. по: *Коровин В.В.* Соотношение психологического и технического в вопросе о достоверности результатов «детекции лжи» // АНО ДПО «Центр прикладной психофизиологии». Национальная школа детекции лжи. – URL: <http://www.polygraph.su/docs/common/9.pdf> (дата обращения 08.11.2014).

35. См.: *Детекторы лжи на основе МРТ.*

36. *Исайчев Е.С., Исайчев С.А., Насонов А.В., Черноризов А.М.* Диагностика скрываемой информации на основе анализа когнитивных вызванных потенциалов мозга человека // Национальный психологический журнал. – 2011. – № 1 (5). – С. 71.

37. Там же. – С. 72.

38. *Вендемия Дж.М.С.* Детекция лжи / Перев. и ком. А.Б. Пеленицына // АНО ДПО «Центр прикладной психофизиологии». Национальная школа детекции лжи. – URL: <http://www.polygraph.su/docs/common/8.pdf> (дата обращения 28.10.2014).

39. Подробнее см., например: *Harris M.* MRI Lie Detectors: Can magnetic-resonance imaging show whether people are telling the truth? // IEEE Spectrum. – 30 Jul. – URL: <http://spectrum.ieee.org/biomedical/imaging/mri-lie-detectors> (дата обращения 11.11.2014).

39. См.: *Mullins J.* Invention: infrared lie detector // New Scientist. – 2008. – 22 Sept. – URL: <http://www.newscientist.com/article/dn14778-invention-infrared-lie-detector.html> (дата обращения 15.11.2014).

Дата поступления 18.11.2014

Институт философии и права
СО РАН, г. Новосибирск

abyssian03@gmail.com

***Moiseyeva, A.Yu.* How unconscious lie is possible?**

The paper analyses the conceptions of lie and fraud and outlines approaches to the theory of lie as a dyadic relation. A search for definition of the conceptions of «unconscious lie» and «self-lie» is undertaken. Also, we deal with the problems of persuasion semantics: what does it mean to be persuaded of something and how we may know it?

Keywords: lie; persuasion; belief; introspection; detection; «theory of the psychic»